

Александр Иванович Куприн

Хорошее общество

Александр Иванович Куприн

Хорошее общество

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=173451
Олеся: Эксмо-Пресс; Москва; 2006
ISBN 5-04-007984-2, 5-699-13818-8*

Аннотация

«Собираясь войти в гостиную, Дружинин вытирал платком запотевшие стекла пенсне. За малиновой бархатной портьерой послышалось твердое, уверенное, хорошо знакомое ему постукивание каблуков. Щеголеватой походкой нестареющего сорокапятилетнего мужчины Башкирцев шел через переднюю с какими-то чертежами и планами...»

Содержание

I	4
II	12
III	18

Александр Куприн

Хорошее общество

I

Собираясь войти в гостиную, Дружинин вытирал платком запотевшие стекла пенсне.

За малиновой бархатной портьерой послышалось твердое, уверенное, хорошо знакомое ему постукивание каблуков. Щеголеватой походкой нестарящего сорокапятилетнего мужчины Башкирцев шел через переднюю с какими-то чертежами и планами.

– А-а! соль земли русской... Ну, как поживает международно-литературная конвенция? – не останавливаясь, с наигранной любезностью приветствовал он гостя и на ходу же добавил, взявшись за хрустальную ручку дубовой двери в кабинет: – Сара Бернар очень обрадуется, у нее там какие-то дела к вам...

На секунду Дружинин увидел чью-то поддевку, рыжую бороду, инженерские петлицы и серую атмосферу комнаты, в которой долго сидели и много курили.

В кабинет прошел лакей с подносом, уставленным стаканами, горкой нарезанного лимона и сушками.

Недолго, пока отворялась дверь, слышался убеж-

денный, звучный голос Башкирцева и видно было, что он уже совершенно забыл, кого видел и с кем говорил минуту назад.

Как всегда от приветствия Башкирцева, Дружинин вместе с беспокойной подавленностью почувствовал себя глупо-молодым, отгороженным чем-то крепким и непроницаемым от этого умного, занятого барина. И он мучительно злился, что по бесхарактерности не может ответить человеку, которого в сущности не уважал, чем-нибудь вроде «неунывающий россиянин».

Много раз Дружинин давал себе слово не ходить в это «сыто-бюрократическое заведение», и за каждый визит свой к Башкирцевым оправдывался перед собственным самолюбием тем, что ему нет дела ни до madame, ни до monsieur Башкирцевых, а ходит он ради Риты. Рита, по его мнению, была сделана «совсем из другого теста, как ее папа и мама». Это милый ребенок, чуткая, талантливая девушка, из которой выйдет далеко не заурядная артистка с удивительно интересными настроениями.

Получая иногда от Риты какую-нибудь оригинальную открытку или журнальную вырезку, где говорилось о нем, Дружинин умиленно улыбался и говорил:

– Милая козочка – не забыла...

Но, кроме Риты, все в доме Башкирцевых неприятно действовало на Дружинина. Раздражал его неле-

пый крик попугая, развязная балованность до противного вымытых собак, многочисленная, хамски угодливая прислуга, делающая различие между гостями, благотворительность madame. Даже самое покровительство Башкирцевых дружбе их дочери с Дружининым больно уязвляло его самолюбие: «Точно за человека не считают».

Однажды, на именинном обеде, лакей за шампанским подал Дружинину обыкновенного белого вина. Этот случай заставил Дружинина не бывать у Башкирцевых несколько недель. Тогда Рита написала ему:

«Голубчик Павел Дмитриевич, я по вас соскучилась – отчего вы к нам не приходите? Я думала, что вы хоть сегодня придете, – не пришли. Жаль ужасно. Впрочем, если почему-либо не хотите, то, конечно, не стесняясь, не приходите до тех пор, пока не захочется. Только, когда придете, не говорите нашим, что я вам написала, а то мне будет влетанция, так как это не хорошо, не принято. Но вы симпатичны мне кажетесь, голубчик. И мне, в моей обстановке ужасных людей, ужасно радостно вас видеть. Ну, до свидания, очень буду рада, если до скорого.
Р.Б.».

На боках письма было приписано с одного конца: «Сейчас только вспомнила, что вы красный цвет ненавидите. Ну, да письмо переписывать лень». С

другого: «Господи, не вы ли это мне прислали что-то? Я получила городскую повестку. Кстати, поздравьте, сегодня я нашла двугривенный. Не правда ли, смешно?»

Сегодня она написала ему на клочке торопливым, взволнованным почерком:

«Голубчик Павл. Дмитр. Непременно, непременно, сейчас же приходите, как получите это. У меня ужасно, ужасно большая неприятность...

Ваша Р.».

Проходя через гостиную, Дружинин с улыбкой под усами вспоминал это письмо и думал: «Ужасно большая неприятность заключается в том, что мама не разрешила играть на клубной сцене».

Риту он застал в полутемной диванной. Она сейчас же схватила его за руку и повлекла в глубь комнаты.

– Вы знаете, что случилось? – начала она трагическим шепотом.

– Нет, не знаю... – улыбаясь, глядя сверху вниз на Риту, ответил Дружинин.

– Да нет, вы не смейте смеяться, – закричала она сквозь слезы.

И, опять понизив голос до шепота, Рита начала говорить размеренно и таинственно, широко и с ужасом округлив глаза, точно старая нянюшка, когда она ве-

чером рассказывает страшную сказку.

– Вы знаете, Верочка Снежко... – говорила она внушительно, с ударениями и дергая на этих ударениях Дружинина за руку, – украла у своей квартирной хозяйки брошь и два браслета... И теперь она в тюрьме... Да. Ее будут судить... Вы понимаете, на нее, маленькую такую, беленькую, наденут арестантский халат, запрут с этими грязными преступниками... Милая моя Снежинка... – Голос Риты от шепота поднялся до истерической высоты и зазвенел: – Снежушка моя, милая Снежинка...

Она заломила руки и замотала головой...

– Что вы говорите? – глухо произнес Дружинин, и в то же мгновение у него мелькнула мысль, что он уже где-то видел подобную сцену с заламыванием рук и припадочным мотанием головы. – Верочка Снежко украла...

Рита опустила руки.

– Ну да... взяла в комоде брошь, два браслета и заложила их.

Дружинин с силой двинул плечами и хрустнул пальцами.

– Что такое... Похоже на кошмар...

– Постойте, – заговорила Рита, сразу успокоившись, – сядемте здесь, я вам все расскажу.

У Риты была манера складывать по-старушечьи ру-

ки пальцы в пальцы и сидеть сторбившись. И теперь она уселась в свою обычную позу и заговорила серьезно, повествовательно, время от времени заглядывая снизу Дружинину в лицо.

– Знаете, она страшно нуждалась... Вы этого не знали, она просила не говорить... Ведь она такая гордая была... Ну, так вот... И за ней ухаживал этот старик, знаете, этот противный с толстыми закопченными усами, что жил напротив, я еще смеялась, что Верочка влюблена в него... Но, конечно, она не хотела себе позволить ничего такого гадкого... Потом ей нечем было заплатить на курсах... Вы ведь знаете, у нас на драматических ужасно дорого берут... Я просила папа, и он обещал, а потом вышла ужасно глупая история, конечно, она сама виновата... Голубчик, я вам тогда солгала, за что поссорилась с Верочкой, не сердитесь, голубчик, потому что это в сущности и неинтересно... Папа ей что-то сказал, так знаете, вероятно, как он всегда – Сара Бернар, Сара Бернар, а на нее – Снегурочка... но ведь он уже пожилой, не правда ли, ему можно... А она обиделась, обиделась и к нам перестала ходить. Потом мама на нее была недовольна... знаете ведь, татап страшно ревнива, у нас ведь и все горничные ужасные рожи... Ну, так вот... встретились мы как-то на курсах, я спросила, почему она не приходит, и она мне ужасную дерзость

сказала. «Твой, говорит, отец...» Но я даже не могу сказать – меня это ужасно тогда обидело... Ну, это, конечно, забылось, я уже хотела написать ей или самой сходить, как вдруг сегодня утром получается по-вестка... Меня вызывают к следователю свидетельницей... Поймите, какой ужас... Папа ездил туда, на прежнюю ее квартиру, и все это узнал. Голубчик, Павел Дмитриевич, поймите, какой ужас... Теперь папа говорит, что он возьмет докторское... это... как его, удостоверение что ли, чтобы я не шла в свидетельницы. Но ведь, голубчик, может, ей это очень нужно... а...

– Конечно, вы многое можете показать, смягчающее ее вину... – мрачно и решительно отозвался Дружинин, перекручивая в пальцах и кусая бороду.

– Вот я то же самое говорю, а наши не хотят, у нас сегодня с утра война, то есть больше с тамап. Папа, тот ведь знаете какой, – он что-нибудь решит и на других даже внимания не обращает. И в разговор не вмешивается, как будто иначе и быть не может.

В полутьме из дверей, ведущих в комнаты, в которых Дружинин никогда не был, послышался слабый болезненный голос:

– Ри-и-та.

Рита вскочила с дивана.

– Что, мамуся?

– С кем это ты?

– Это Павел Дмитриевич, мамочка.

– Здравствуйте, Павел Дмитриевич, простите, я даже выйти к вам не могу, – умирающим голосом говорила Башкирцева. – Рита, пошли ко мне Машу, а потом приходи с Павлом Дмитриевичем – я, знаете, совсем больна, совсем больна...

За дверями послышался вздох и мягкие, как будто босые, шаги.

– Не говорите только, что я вам писала, – успела озабоченно бросить Дружину Рита.

II

В будуаре Башкирцевой, глухом от материй, вместе с беспокойным, дразнящим ароматом, который оставался потом на платье, висел в воздухе острый запах туалетного уксуса и какой-то эссенции. Со всей обстановкой комнаты, пестрой и кокеточной, странно не гармонировал киот в углу и в зеленом стаканчике лампада.

– Вы знаете уже, что случилось... Вам говорила Рита, – устало и томно сказала Башкирцева, без пожатия подавая Дружинину мягкую, влажную, как будто бескостную, руку...

Дружинин не целовал у дам рук, и оттого, когда он и Башкирцева здоровались, у них всегда происходила какая-то заминка и Дружинин чувствовал себя неловко.

– Да, мне говорила Маргарита Ильинична, – ответил он, избегая взглядов зеленовато-серых глаз Башкирцевой и не зная, где сесть.

С головой, обвязанной белой косынкой, она сидела на тахте в чем-то мягком и длинном, и обвислые контуры ее располневшего тела беспомощно лежали в ковровых подушках.

– Я не знаю, за что нас так наказывает Господь

Бог... – говорила Башкирцева, взглянув на киот. – Два года назад муж ездил в Лондон, я с Ритой была на курорте, у нас служили муж и жена поляки... Так они, знаете, что изволили сделать? Достали Ильи Андреевича шубу, фрак, еще что-то и преспокойно заложили все это... У них, видите ли, дома там что-то случилось, погорел кто-то, что ли. Я понимаю, может случиться несчастье – ну, так попроси, не так ли? Помню, на меня тогда этот суд так ужасно подействовал. И знаете, они еще были на нас недовольны, что мы оценили вещи выше трехсот рублей: это им для чего-то там, для смягчения наказания нужно было... И теперь эта история с этой девчонкой! Нет, это просто, знаете, сил никаких нет. Идти в суд Рите... Господи помилуй...

Дружинин что-то замычал и нерешительно промолвил:

– Но я не вижу особенных причин так уж волноваться... хотя, впрочем...

– Как не волноваться, Павел Дмитриевич?.. – возбужденно заговорила Башкирцева, задвигавшись на месте. – Ведь вы подумайте, какая это только грязь: ее подруга украла и она свидетельницей, ведь об этом и в газетах станут писать... это страшная грязь!

– Мамуся, тебе опять будет худо... – сказала стоявшая возле нее Рита, делая Дружинину знаки глазами.

– Оставь, пожалуйста, что может быть еще хуже то-

го, что уже есть? Я всегда говорила тебе, что будь ты осторожна в этих знакомствах с людьми с улицы, – ну, вот видишь, на мое и вышло...

Переменив тон, Башкирцева повернула к Дружинину свое странно белое, как бумага, четырехугольное лицо:

– Я не знаю, Павел Дмитриевич, что это делается на свете. Куда мы идем, куда мы идем? Девочка молоденькая, интеллигентная крадет у своей хозяйки вещи... закладывает их...

– Но, говорят, она сильно нуждалась, – нерешительно отозвался Дружинин, как будто сам в чем-то виноватый.

Больной вид Башкирцевой, будуар, все эти дамские вещи, духи связывали и делали его нерешительным.

– Ах, оставьте, пожалуйста, какая это нужда заставит меня украсть. Никогда не поверю, просто безграничная испорченность нашего времени. Ужасная грязь, ужасная грязь...

За дверями послышалась характерная походка и голос Башкирцева.

– Р-разумеется, конечно – он мужик умный, понимает это, поверьте, лучше нас с вами, – говорил он кому-то.

– Мапочка, к тебе можно? – спросил он, заглядывая в дверь. – Я с Петром Петровичем...

И, войдя в комнату, Башкирцев сказал с своей веселой деланной улыбкой, с демонстраторским жестом обращаясь к вошедшему за ним господину во фраке:

– Вот рекомендую: совет трех. Причем самый главный мастер заболел от чрезвычайного потрясения нервов...

Адвокат Михно, благодушно улыбаясь хозяйскому остроумию, особенно галантно, вероятно потому, что был во фраке, раскланялся с хозяйкой.

– Я вот позволил себе нарочно вызвать нашего Цицерона, чтобы успокоить тебя, – заявил Башкирцев. – Он говорит то же самое, что и я. Никто не станет ни приезжать на дом, ни оглашать показаний, раз человек болен и не может давать их...

– Да, конечно, конечно, – поддакивал Михно с несходившей с лица, как казалось ему, светской улыбкой, стоя в позе оперного певца с шапокляком у ляжки.

– Так это можно? вы уверены, Петр Петрович? – сказала Башкирцева, с надеждой возводя на адвоката глаза.

– Да, конечно, конечно... что ж, это дело обыкновенное...

Потом Михно сощурился и мигнул в сторону Риты, стоявшей с сухими воспаленными глазами:

– Что, барышня, трусили?

– Я... нисколько, – обиженно отозвалась Рита.

– Ну, рассказывайте. Публика у нас страх суда боится... А что, она хорошенькая, эта юная преступница?

– Не хотите ли вы уж защищать ее? – с плутовской улыбкой сказала Башкирцева.

– Ну, что вы, что вы! Мало у меня своих дел!.. Вечно Мария Павловна придумает что-нибудь... – слабо защищаясь, говорил Михно со смущенной улыбкой избалованного женщинами светского льва.

– Ну да, рассказывайте!..

Башкирцева погрозила ему пальцем, и теперь, казалось, болезнь ее совершенно прошла.

– Подождите, я вот расскажу все Надежде Васильевне... Знаем мы эти ваши заседания!.. Кстати, как ее здоровье?

– Ну, друзья мои, вы беседуйте, а меня люди ждут, – озабоченно сказал Башкирцев, не любивший, когда говорил не он, а другие.

– Я ведь тоже на минутку, – заторопился Михно.

– Куда вы такой парадный?

– Нужно тут в одно место...

– Ой, смотрите, скажу Надежде Васильевне... – начала опять Башкирцева, подымая палец.

Но Илья Андреевич нашел, что этого жанра уже довольно, и деловито, по-хозяйски сказал, целуя ее в лоб:

– Тебе, мамочка, немного лучше, оденься, выйди, нужно будет легкую закуску соорудить... Пташников здесь... нельзя, он москвич, у них это водится...

Башкирцева, недовольная, что муж ловит ее на выздоровлении и не дает немного поболтать, недружелюбно глянула на него своими серыми, сделавшимися вдруг злыми, глазами...

За ужином Дружинин испытывал чувство прижизвольщика, отказался есть и попросил себе стакан чаю. С особенной неприятной ясностью он не мог отделаться от мысли, что эти вина, серая глянцевиная икра в хрустальной вазочке, маринады, балыки поставлены не для него, а исключительно для тех пришедших из кабинета людей, и, собственно, для одного из них – Пташникова.

В песочном визитном костюме, безусый и розовый Пташников держался застенчиво, и Дружинину странным казалось думать, что этот робкий, европейски-аляповато одетый молодой человек имеет три миллиона. Его свежую молодость усиливали и подчеркивали рыжебородое обветренное лицо Дурдина, уверенное, пожившее Башкирцева и корректно-молодое, спокойное, как таблица умножения, лицо рано полысевшего инженера. Каждое из них носило тот отпечаток, о котором принято говорить «видел виды», и Дружинину становилось необъяснимо жаль Пташникова.

– Я, можно сказать, прошел огни и воды... – размеренно говорил Дурдин, из солидности не сразу выпивая налитую ему рюмку.

– И медные трубы, – добавил Башкирцев, дружески-любно-насмешливо кивнув Дурдину, и помог Пташникову взять с тарелки кусок.

Дурдин не улыбнулся и спокойно-уважительно смотрел на Башкирцева своими круглыми зоркими глазами.

– Нет, Илья Андреевич, в самом деле я много на своем веку всякого народа перевидал, но должен вам заметить... не потому што там в глаза или как, я человек простой и у меня такое заведение – што за столом, то и за столбом... Хотя вы и господин, но должен вам заметить, што в делах я редко видел таких дотошных людей и из нашего брата, чтоб так понимали. Это я не то што вам в глаза, а и где угодно...

Башкирцев слегка покраснел и, откинувшись на спинку, заговорил, покручивая усы:

– Да, жизнь, батюшка, учит... Раньше, чем нажить первые свои сто тысяч, я свой миллион прожил... и не жалею. Теперь, что у меня есть, все мое, трудом доставшееся. Люди только у нас в России очень уж инертны... вы посмотрите за границей... там мальчишка-разносчик, он с товарищами в компании покупает уж какую-нибудь недорогую акцию. Знает все колебания биржи. А у нас десятки миллионов в сундуках лежат – мозоли натирают, купоны обрезая.

Пташников улыбнулся:

– Покойник папаша, бывало, дня три иногда сидит, а никого не допускал, все сам... – сказал он, и по лицу его видно было, что за этим у него проснулось еще много воспоминаний.

– Хороший, должно быть, был старик? – любезно-механически улыбаясь, сказала madam Башкирцева. – Они ужасно милые, эти старозаветные люди...

– Да как вам сказать, многие считали его сердитым, ну, только это у него так, наружное, а человек он был добрый.

– Скажите, пожалуйста, у вашей бабушки какая торговля была? – спросил Дружинин и сразу же по беспокойно забегавшим глазам Башкирцева понял, что он задал неуместный почему-то вопрос.

– Что это, как будто немного угаром пахнет? – сказал Башкирцев жене...

Пташников немного сконфузился, но сейчас же с доверчивым и благожелательным видом ответил Дружинину:

– Мы гостиницы держали... Вот, если бывали в Москве, «Эрмитаж», «Калифорния», «Белый лебедь» – это все наше было... и так малых трактиров до двадцати...

– Зачем же вы их продали? ведь говорят, это очень выгодно? – выпалила Рита и посмотрела на всех.

Инженер чуть улыбнулся в углах рта... Пташников

больше зарделся.

– Рита... – сказала Башкирцева, делая брезгливые глаза.

Дружинин сам почему-то покраснел, но вступился за Риту:

– Действительно, это дело дает, кажется, хорошие барыши...

На лицо Башкирцева набежала тень.

– Очень было бы печально, – внушительно и грустно заговорил он, барабаня по столу своими белыми крупными пальцами, – если бы молодые люди, полные сил и способностей, сидели в питейных заведениях. Кому же, как не молодым капиталистам, быть культуртрегерами нашей отсталой промышленности. Геннадий Васильевич вступает вот в наше общество химических заводов, и это, поверьте, интереснее, полезнее и почетнее, чем торговать рюмками. Вы вот сами говорите, что газетная работа выгодней чистой беллетристики, но, однако, пишете рассказы.

– Ну, это, мне кажется, одно с другим не сравнимо, – не согласился Дружинин. – Я по крайней мере думаю, что личное моральное значение всякой деятельности определяется ее целью. Цель торговли – нажива, а потому самая желательная торговля та, которая больше дает.

– Как на чей взгляд.

Башкирцев пожал плечами и обратился к Пташникову:

– Вы когда предполагаете возвратиться?..

К десяти часам гости поднялись. Пташников и Дурдин уезжали с одиннадцатичасовым в Москву. Инженер провожал их, Башкирцев извинился усталостью. Дружинин тоже начал прощаться, но Башкирцев удержал его.

– Останьтесь, я хочу попросить вас об одном деле...

Когда гости и хозяйева проходили через полутемную диванную, Башкирцев взял за локоть Дурдина и задержал шаги. Оставшийся сзади Дружинин успел услышать начало фразы...

– Ты же смотри...

И Дурдин громко ответил:

– Да что вы, Илья Андреич, рази я сам себе враг...

Это обращение Башкирцева к Дурдину на «ты» в связи с впечатлениями всего вечера вдруг без колебаний и переходов объяснило Дружинину многое, что раньше отпечатывалось в его мозгу туманно и неясно, как предчувствие. Он сразу вспомнил тысячу мелочей, наблюденных в доме Башкирцевых, которые, дополняя одна другую, объяснили ему нечто страшно неприятное, тяжелое и противное. Теперь небольшим фактам Дружинин придавал большое значение.

Перед ужином Башкирцев с гримасой оглядел костюм Риты и сказал:

– Ты бы, знаешь, тово... чужие люди, а у тебя этот артистический беспорядок.

Эта показная бутафорская роскошь и всегда какие-то деловые люди, шушуканье. Впечатление ожидания чего-то, что должно разрешиться и сделать всех счастливыми...

И Рита говорила часто: «Вот устроятся дела папы, мы поедем в Ниццу...»

А что это были за дела – никто точно не понимал, хоть при разговоре о них кивали сочувственно и на лица набегала тень глубокомыслия.

И когда Башкирцев, возвратившись из передней, расстегнул три пуговицы жилета и с облегченным видом актера, сошедшего со сцены, весело и громко подомашнему сказал, – слушай, мамочка, нельзя ли нам чаю сюда, – Дружинин почувствовал, что он как будто состоит в молчаливом против кого-то заговоре.

– Вот, батюшка, видали синицу? Три миллиона нетронутых денег на текущем счету держит... – сказал Башкирцев, разваливаясь в кресле.

– Ну, что он, как? – с тревожным и униженным лицом нерешительно спросила Башкирцева.

– То есть что это «как»? – строго сказал Башкирцев и дал этим понять, что вопрос, который затрагивает

жена, чисто домашний, неудобный при посторонних.

– Павел Дмитриевич свой человек, – как бы оправдываясь, робко отозвалась жена.

Башкирцев выпустил из надутых щек воздух и расстегнул еще одну пуговицу жилета.

– Устал я сегодня зверски, – сказал он, подавив судорогу зевоты, и, помолчав, обратился к Дружинину с обычной у него уверенностью и определенностью голосовых интонаций: – Хотел я вас, дружище, попросить вот о чем: съездите, пожалуйста, ну, хоть завтра, в дом предварительного заключения и, если вам позволят увидеться с этой девицей, объясните ей, что это очень неделикатно с ее стороны людей, которые относились к ней хорошо, принимали участие, таскать по судам. Должна же она это понимать.

Рита, перебиравшая у рояля ноты, бросила тетради, выпрямилась и, опустив вдоль тела руки, как бы приготовилась к чему-то. Она значительно взглянула на Дружинина, но тот сидел в кресле согнувшись и глядел не то в пол, не то себе в колени.

– Я бы это сделал и сам, но вы видите, у меня минуты свободной нет... – добавил Башкирцев, так как Дружинин молчал.

Последний и на это ничего не ответил, а когда заговорил, то в это же время начал что-то говорить и Башкирцев, они столкнулись первыми слогами и за-

молчали.

– Виноват, что вы хотели сказать? – извинился Башкирцев.

– Меня немало удивляет, Илья Андреевич, – глухо и медленно начал Дружинин, не подымая головы, – что вы, не зная даже, как я смотрю на этот предмет, предлагаете мне уже ехать куда-то, что-то устраивать по тому плану, который вам нравится.

– То есть это вы о чем же? – наморщившись, спросил Башкирцев, в первый раз повернув лицо в сторону Дружинина.

– Да видите ли, дело в том, – заговорил Дружинин громче и встал с кресла, – что я на всю эту историю несчастья со Снежкой смотрю, кажется, совершенно иначе, чем вы.

– Ах, вот как... тогда извините, пожалуйста, как же вы смотрите?

– Я смотрю так, что долг всякого порядочного человека помочь своему гибнущему ближнему... Тем более что и помощь эта в данном случае выражается в немногом: прийти в суд и сказать, что человек беспомощный, не умеющий заработать, страшно нуждался и выбрал из двух падений то, которое ему казалось легче... я так смотрю.

Рита все время стояла, не меняя позы, с немигающими, сделавшимися огромными глазами, и два раза,

пока говорил Дружинин, думая, что он кончил уже, сорвавшимся голосом говорила: «Папочка».

– Ну, вы что можете сказать? – обратился к ней Башкирцев, когда Дружинин умолк и остановился у окна спиной к комнате.

– Папочка, ведь она действительно страшно нуждалась, ведь нужно же ей помочь, бедной, ведь иначе ее осудят...

– И помощь эта должна выражаться в том, – заговорил отдельно, сухо и металлически-звонко Башкирцев, – чтобы в публичном заседании столичного суда mademoiselle Башкирцева выступила как близкий друг подсудимой? Ведь другого положения нет.

Рита подняла к подбородку стиснутые руки и зазвеневшим голосом быстро заговорила:

– Папочка, но ведь ее иначе осудить могут, ведь кто там за нее заступится. Если ее осудят, я никогда себе этого не прощу, мне все будет казаться, что в этом я виновата.

– Что ты говоришь, Рита, – болезненно отозвалась Башкирцева, все время боявшаяся вступить в разговор, видя, что он благодаря данному Дружининым тону принимает серьезный, обостренный характер, – что ты говоришь, опомнись! Пусть уж Павел Дмитриевич так говорит, он чужой человек, но как ты нас и себя не жалеешь... ведь это такая грязь, такой ужас!..

ведь об этом станут в газетах писать... Я не говорю, конечно, но это может и на делах наших отразиться.

– Не говори глупостей! – сурово оборвал ее Башкирцев.

Дружинин быстро и резко обернулся от окна.

– И что вы так настойчиво говорите, Мария Павловна, о грязи? Поверьте, в каждом из нас столько грязи, что ее хватит на сто таких несчастных девушек, как Снежко.

Башкирцева вопросительно посмотрела на мужа.

– Я думаю, что тебе самое бы лучшее уйти отсюда, – сказал он дочери.

– Папочка... – вырвалось у Риты, и она, не отымая от подбородка рук, осталась на месте, как будто собираясь броситься перед кем-то на колени.

Все почувствовали, что какая-то струна, соединяющая находящихся в комнате, натянулась до последней возможности и собирается лопнуть.

Башкирцев близко начал рассматривать ногти и заговорил в нос и комкая слова:

– Я уже давно собирался вам сказать, Павел Дмитриевич (Дружинин в эту минуту подумал, что за несколько месяцев Башкирцев его в первый раз назвал по имени и отчеству)... но все как-то откладывал, теперь это, кажется, наиболее удобно...

Башкирцев похлопал пальцами правой руки по ши-

колоткам сжатой в кулак левой, потом быстро встал и почти весело, глядя прямо в глаза Дружинину, сказал:

– Я нахожу, что ваше общество вредно для моей дочери...

Как ни далек был Дружинин от слияния со всей этой, как он иногда называл, башкировщиной, но в эту минуту он почувствовал, что вся эта хорошо знакомая ему обстановка гостиной, эти люди, которых он видел довольно часто, и даже сама Рита – все вдруг как-то сразу отодвинулось и стало ему совершенно чужим и неприятным. Сам Башкирцев, уверенный и неприятный, в расстегнутом сверху жилете, напоминал ему почему-то одно ресторанное столкновение, где пожилой господин коммерческо-кабинетного типа говорил с ним изысканно-вежливо, но Дружинин и бывшие с ним и даже лакей каждое мгновение ждали, что сейчас начнется свалка. Как и тогда, Дружинин почувствовал, что ему трудно дышать и легкий приступ какой-то общей нудности, похожей на тошноту. Вместе с тем в голове Дружинина быстро, вместе с приливом крови в виски, созрело решение, что теперь наступил «момент» и он должен сказать все то, что долго копилось в нем против Башкирцева и чего он никогда не собирался говорить ему.

– Вы это находите? – сказал Дружинин чужим голосом и высохшим ртом, и в переводе это значило: я те-

бя ненавижу...

– Да, я это нахожу, – ясно и резко ответил Башкирцев, прямо глядя в глаза Дружинину, и это означало: я тебя тоже.

– Рита, уйди отсюда, – крикнула Башкирцева.

– Папочка, папочка! – восклицала Рита...

Но у двух стоявших друг против друга людей уже началось то «нечто», что не ищет ни логики, ни оснований, не замечает места, времени, разницы возрастов, положений...

– Так я же вам на это скажу, – заговорил Дружинин вдруг окрепшим голосом бешенства, – что самое вредное, самое развращающее, самое грязное общество у вашей дочери это вы сами, ваши темные операции, жулики, с которыми вы водите компанию и устраиваете ваши делишки... бездельная жизнь не по средствам, отсутствие принципов в вас самих, принципов и человечности, – вот от чего она может развратиться, а не от моего общества...

Все на минуту окаменело... Привлеченный голосом Дружинина, в двери выглянул лакей и сейчас скрылся. Башкирцев, зажав в руке горсть брелоков от часов, очевидно, не знал еще, что он сейчас сделает.

– Или вы сию минуту уйдете, или я выброшу вас, как щенка, – сказал он, не разжимая зубов, и глаза его неестественно округлились, лицо стало похожим на

кусоч вареного мяса – обнаженное от светскости, приличий и напускного благодушия, оно представлялось только старым, животню необузданным и страшным.

– Поберегите эти угрозы для ваших лакеев, жалкий пройдоха!.. – крикнул Дружинин.

Башкирцев двинулся вперед, но его схватили сзади чьи-то руки. Это вскочила с места Башкирцева.

– Илья, что ты! Рита, уйди отсюда... – говорила она сквозь слезы.

Рита бросилась на середину комнаты.

– Папочка, Павел Дмитриевич, оставьте, голубчики вы мои, – говорила она, ломая руки и как будто опускаясь на колени.

– Павел Дмитриевич, уйдите ради бога! – кричала Дружинину Башкирцева.

– Я завтра же еду к градоначальнику и этого мазурика вышлю в двадцать четыре часа, – хрипел Башкирцев.

Дружинин уже не соображал, что он делает, с побелевшими губами, с пеной в углах рта наступал на Башкирцева.

– Раньше, чем ты поедешь к градоначальнику, я Пташникову напишу... я выведу тебя на свежую воду с твоими дурдинскими коммерциями... не бывать твоему акционерству, врешь!.. Ты его в зятя метишь – и это я скажу, врешь... я все махинации разоблачу, пе-

чатно разоблачу... и к процессу Снежка я тебя притяну... там тоже кое-что есть... врешь.

Послышался чей-то женский визг и одновременно хруп и топот ног, что-то тяжелое потащили по полу. Это Башкирцев с изуродованным лицом бросился к Дружинину, но на нем повисли жена и дочь. И странным было в это время совершенное отсутствие прислуги, наполнявшей дом...

– Павел Дмитриевич, уходите, голубчик, уходите, – кричала ему Рита... оставила отца и потащила Дружинина к выходу...

Забрав в руки пальто, калоши и шапку, Дружинин вернулся к дверям. Рита не пускала его, но он продвинулся до половины и злорадно крикнул:

– О Пташникове, господин акционер, не забудьте, я вам покажу, кто кого вышлет...

Дома Дружинин, не раздеваясь, сел у стола и тупым, нежалеющим укусом зажал зубами мякоть пальца.

Прошло два дня. Дружинин получил письмо. На желтой дорогой бумаге с трепаными концами Башкирцев писал ему своим крупным министерским почерком:

«Павел Дмитриевич, в том, что произошло между нами, я думаю, не виноваты ни вы, ни я. Хорошие отношения не могут рваться между людьми только по-

тому, что они очень нервны и не умеют сдерживать своих порывов. Приходите, мы будем вам очень рады. Сара Бернар даже заболела, бедняжка».

Дружинин ничего не ответил.

На другой день Башкирцев два раза приезжал к Дружинину, но не заставал его дома.